

УДК 340.124

В.В. Оглезнев**ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ В ФИЛОСОФИИ ПРАВА
ГЕРБЕРТА ХАРТА¹**

Представлено исследование значения понятий «намерение», «решение», «действие», их взаимосвязь и релевантность философии права Герберта Харта. Через анализ императивности правовых правил установлена их интенциональность.

Ключевые слова: аналитическая философия права, намерение, решение, действие, императивы, правовые правила, Г.Л.А. Харт.

Для ответа на вопрос «Сделал ли *X* нечто намеренно?» эвристическое значение имеет исследование контекста, в котором осуществляется говорение. В обыденном языке для ответа на этот вопрос действует презумпция, что если человек делает нечто, он делает это намеренно. Поэтому при обычном повествовании, описывающем действия, совершённые при нормальных обстоятельствах, было бы бессмысленным утверждать, что человек сделал нечто намеренно. Но актуализация подобного вопроса в нестандартном контексте, например в юридическом, имеет интересные особенности, фиксация которых может способствовать раскрытию содержания интенциональности в философии права Г. Харта и выявлению специфических черт его подхода к анализу этого понятия.

Через контекстуальный анализ понимания Г. Хартом намерения в этой статье будет представлена попытка прояснить значение понятий «действие», «решение» «мотив» и др., часто используемых в теории уголовного права, а также будет доказано, что, поскольку правовые правила характеризуются представительско-обязывающим характером, т.е. облакаются в лингвистическую форму императива, то исследование императивности, в том числе правовых правил, позволит пролить свет на вопрос об интенциональности этих правил. Несмотря на то, что есть и другие подходы к анализу понятия «намерение», изложенные в работах Э. Энском, П. Грайса, П. Стросона, Дж. Остина, Дж. Сёрла и др., но именно такие два способа употребления намерения, как в выражениях «совершение действия намеренно» и «намерение совершить действие в будущем», непосредственно связанные с действием и принятием решения, будут релевантны данному исследованию.

В статье «Decision, Intention, and Certainty» [1] Г. Харт и С. Хэмпшир (далее – авторы) исследуют пару предложений: «Я думаю, что я сделаю это, но не уверен» и «Теперь я знаю, что я сделаю», в которых просматривается знание человека его собственных настоящих и будущих добровольных действий.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (№ 11-33-00343а2), Совета по грантам Президента РФ (№ МК-270.2011.6) и в рамках государственного контракта на выполнение поисковых научно-исследовательских работ для государственных нужд в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», мероприятие 1.1., проект «Онтология в современной философии языка» (2009-1.1-303-074-018).

Основной тезис авторов заключается в том, что есть необходимая связь между определённой, имеющей место в подобных выражениях, и решением сделать нечто, а также, что есть необходимая связь между подобной определённой и намерением сделать нечто и деланием чего-то намеренно.

Иными словами, из этих предложений логически выводятся: 1) «Я знаю, что сделаю это», 2) «Я решил сделать это», 3) «Я намерен сделать это», причём необходимая связь, на которую указывают авторы, имеется только между 1-м и 2-м, 1-м и 3-м предложениями. Попытаемся разобраться, насколько обоснован этот тезис. Очевидно, что эти предложения не имеют эмпирического подтверждения, т.е. не имеют отношения к фактам, что является, по мнению авторов, дополнительным стимулом для их исследования. Но прежде чем мы продвинемся дальше, нам следует сделать несколько допущений, способствующих не только прояснению позиции авторов, но и выработки собственной исследовательской стратегии. Нам кажется, что необходимо установить некоторое соответствие, во-первых, между «намерением сделать нечто» и «формированием решения», во-вторых, между «деланием чего-то намеренно» и «принятием решения», а в-третьих, разобраться, как в целом соотносятся понятия «намерение», «решение» и «определённость». Под формированием решения понимается подготовка исходных данных и обработка их таким образом, чтобы были ясны последствия его принятия. Принятие же решения – это изучение различных вариантов их последствий и утверждение одного из них. Если человек утверждает, что способен с уверенностью (или определённо) предсказать свои действия в будущем, основывая своё предсказание на индукции, то он подразумевает, что рассматриваемые действия будут в некотором смысле, или в некоторой степени, недобровольными, неконтролируемыми. Если бы действие в предусмотренной ситуации было полностью добровольным, то ему необходимо решать, что он сделает. Авторы считают, что если ему предстоит решить, что он собирается сделать, то он должен оставаться неуверенным в том, что он сделает, до тех пор, пока он не принял решение или пока не сформировались его намерения. Наряду с принятием решения и обозрением тех, а не иных причин действия, человек должен находиться в состоянии неопределённости в отношении того, что он собирается сделать [1. Р. 2–3]. Определённость возникает в момент решения и, действительно, конституирует решение тогда, когда определённая, явившаяся подобным образом, представляет собой следствие рассмотренных причин.

Но возможно ли принять решение без уже сформированного намерения его принять? Нельзя сказать «Я решил сделать X , но не уверен в этом», поскольку глагол «решить» употребляется в этом предложении в прошедшем времени, что указывает на уже принятое решение. Тем более было некорректным утверждать «Я решил сделать p , но не уверен в том, что сделаю p , быть может сделаю q ». Но что в этом случае является моментом принятия решения? Определённость конституирует решение, если она не является следствием фактов, т.е. возникает в соответствующий момент принятия решения. Когда человек принял решение, то говорят, он намеревается нечто сделать. Следовательно, моментом принятия решения является сформировавшееся намерение. Когда человек принял решение, т.е. когда после рассмотрения причин всякая неопределённость в отношении того, что он соби-

рается сделать, была устранена из его сознания, говорят, какое бы решение он не принял, он намеревается нечто сделать.

Насколько обосновано утверждение авторов, что знание считается определённой? Действительно, решение требует определённости. Принятие решения в условиях определённости предполагает, что, если под определённой понимается ситуация, при которой каждому варианту решения известен вполне определённый набор последствий, то, во-первых, задача хорошо формализована (имеется модель решения), во-вторых, существуют критерии оценки качества принятия решения, в-третьих, можно предвидеть последствия принятия решения. Оперативные решения принимаются в условиях определённости. При этом параметры (характеристики), используемые в процессе принятия решения, определены, их оценка известна с требуемой точностью. Поэтому правильным было бы сказать, что знание есть следствие устранения неопределённости, а не определённости, как указывают авторы, в чём мы далее убедимся. Но решение может приниматься и в условиях неопределённости, когда невозможно оценить вероятность потенциальных результатов. Это должно иметь место, когда требующие учёта факторы настолько новы и сложны, что насчёт них невозможно получить достаточно релевантной информации. В итоге вероятность определённого последствия невозможно предсказать с достаточной степенью достоверности. Неопределённость характерна для некоторых решений, которые приходится принимать в быстро меняющихся обстоятельствах. Эти задачи возникают при условии применения в процессе принятия решений, во-первых, неточной, неполной или слабо структурируемой информации, во-вторых, формальные модели либо отсутствуют, либо сложны, и, в-третьих, вероятности наступления событий не определяются. Существует измеримая неопределённость, т.е. риск, и неизмеримая – собственно неопределённость. Риск считается на основе статистических данных, а неопределённость не вычисляется никак, её величина устанавливается на основе субъективных знаний человека. Источниками неопределённости служат либо неполнота знаний о фактах или событиях, либо свойство объекта, которое принципиально невозможно измерить. Поэтому результатом принятия решения можно считать устранение неопределённости.

Является ли решение действием? Авторы считают, что решение не есть действие само по себе, но предварительное действие по выбору между двумя вариантами действия, поскольку решить сделать нечто, не значит совершить действие. Действительно, можно возразить, что слово «решить» представляет собой действие, т.е. нечто, что я *делаю*, и поэтому решение не может быть адекватно охарактеризовано просто как приобретение определённости в отношении своих будущих (добровольных) действий. Можно склониться к утверждению, что определённая – это следствие или результат решения, и она должна отличаться от самого решения. Это допущение, по мнению авторов, не позволяет утверждать, что принять решение, значит совершить действие. Но такое предложение как «Посоветовавшись, суд принял решение», как раз и указывает на то, что судом совершено определённое действие, поскольку это есть перформативное выражение с иллокутивной силой, а не просто утверждение.

Авторы предлагают различать индуктивную определённую, основанную на фактах, и определённую, основанную на причинах, причём последняя и есть *действие*, что позволяет пролить свет на понятие намерения. Есть два принципиальных направления, в которых намерение связано с действием. Во-первых, когда человек нечто сделал, например, ударил другого человека, то может возникнуть вопрос, сделал ли он это намеренно или ненамеренно, и это равнозначно вопросу, был ли он намерен или же нет сделать то, что он фактически сделал. Во-вторых, может возникнуть вопрос в отношении того, намерен ли человек или же нет выполнить некое действие в будущем; и подобный вопрос может возникнуть относительно его прошлого намерения совершить некое действие, даже если он не собирался его совершать.

В первом случае высказывание «Это сделал он намеренно» указывает исключительно на устранение указания на то, что он сделал нечто ненамеренно, где под «ненамеренно» понимается то, что то, что агент сделал, он сделал это случайно или по ошибке. Из этого следует то, что полное значение «намеренно» заключается лишь в отрицании им случайности или ошибки. Согласно этой точке зрения анализ понятия делания чего-либо намеренно возможен только, во-первых, через описание соответствующего контекста использования слова «намеренно», отрицающего случайность или ошибку, и, во-вторых, через разъяснение случайности или ошибочности. При этом следует учитывать, что выражение «Это сделал он намеренно» означает гораздо больше, чем «Он не делал этого ненамеренно» или «Он не делал этого случайно или по ошибке», которые логически предполагаются первым выражением и уж тем более им не исключаются. Если действие является намеренным, то агент, по мнению авторов, должен обладать, во-первых, определённым эмпирическим (практическим) знанием того, что затрагивают его действия, а во-вторых, агент должен знать последовательность своих действий и результат своего действия, т.е. то, к чему приведёт его действие. Например, *X* выстрелил в *Y*. Если спросить *X*, что он сделал, то ему пришлось бы идентифицировать своё действие, как выстрел в *Y*, поскольку его намерение было направлено на поражение цели. Если *X* это признаёт, то знание того, что выстрел является результатом взрыва порохового заряда патрона, т.е. знание фактов, не является необходимым и достаточным основанием намеренности в действиях *X*. И тем более необязательно знание последовательности действий, приведших к выстрелу (натяжение спускового механизма оружия, взрыв порохового заряда, выстрел и т.д.). Авторы указывают на то, что *X* должен знать, что то, что у него в руке, – это огнестрельное оружие. В противном же случае действия *X* нельзя считать намеренными, или что то, что он фактически сделал, он сделал это ненамеренно (случайно или по ошибке). Но если мы, следуя подобной аргументации, признаём, что определённая это и есть знание (что весьма спорно, как мы убедились выше), то намерение *X* выстрелить в *Y* может обосновываться и индуктивной определённой (эмпирическими фактами), для чего нет необходимости в знании механизма выстрела и знания того, что в руках – оружие, поскольку *X* сказал, что он видел, как другие поражают цель, совершая определённые манипуляции с металлическим предметом, который они называли оружием. Возможно, авторы имели в виду, что

именно причины *определяют* намерение, а не факты твоего прошлого поведения или поведения других.

В тех случаях, когда агент сообщает о своём намерении совершить действие в будущем, необходимо соответственно отличать веру, которую агент может сформировать как линию своего будущего поведения, как результат наблюдения или как следствие факта, от веры, которую он сформировал независимо от наблюдения или факта, т.к. последняя при подобном применении фактически содержит понятие намерения. Очевидно, что сообщение агента о своём намерении совершить некое действие в будущем не является предсказанием того, что он совершит действие, хотя третьи лица могут предсказать это на основании подобных его сообщений. Такие суждения не являются предсказаниями, что явствует из того факта, что если агент не совершает действие так, как говорит, что намеревается его совершить, то это не является основанием для критики его в том, что то, что он сказал, было ложным, или что он ошибался, но указывает на то, что он передумал. Ибо если он не делает так, как говорит, что намеревается сделать, то его можно упрекнуть в обмане в отношении своих намерений [1. Р. 10–11]. В большинстве случаев агент формирует намерение совершить действие в будущем, как результат имеющихся вариантов и выбора одного из них. Авторы утверждают, что не все намерения формируются, как результат предшествующего решения. Однако если я говорю, что после написания этой статьи я пойду домой, то это совсем не означает, что я не думал об этом ранее и не имел на это намерения.

Как нам понять (распознать) намерение говорящего? Остин считал, что «обеспечение иллокутивного акта включает в себя обеспечение усвоения», т.е. со стороны слушающего должно быть «понимание значения и силы локуции» [2. С. 96], причём обеспечение понимания иллокутивной силы является существенным элементом успешного иллокутивного акта. Хотя данное высказывание Остина и не является бесспорным, но исследование термина «обеспечение усвоения» может пролить свет на понятие намерения. Стросон, в частности, переформулирует это выражение, указывая, что если *не реализация*, то по крайней мере *наличие цели* обеспечить усвоение является существенным элементом выполнения иллокутивного акта [3].

Во многих различных ситуациях общественной жизни одно лицо может выразить желание, чтобы другое лицо сделало нечто или воздержалось от некоторого действия. Когда такое желание выражается не просто как интересная информация или сознательное самовыражение, но с намерением, чтобы лицо, к которому обращено пожелание, подчинилось выраженному желанию, – тогда в языке обычно, хотя и не с необходимостью, используется специальная языковая форма, называемая повелительным наклонением: «Ступай домой!», «Иди сюда!», «Стой!», «Не убивай его!» [4. С. 26].

Остин не выделяет императивы в отдельную группу речевых актов, указывая лишь на то, что термин «перформатив» используется в соответствующих ситуациях и конструкциях примерно так же, как мы употребляем термин «императив» [2. С. 27]. Императив есть выражение желания, чтобы другие действовали определённым образом или воздержались от действий. В классификации иллокутивных актов Сёрла мы можем обнаружить определённое сходство между императивами и директивами, где последние представляют

собой акты, в которых говорящий намеревается принудить реципиента осуществить нечто такое, что соответствует продуцируемому интенциональному содержанию [5. С. 66]. Харт отмечает большую потребность в различении разновидностей императивов по отношению к контексту, задаваемому социальной ситуацией. Вопрос о том, в каких стандартных ситуациях употребление высказываний в повелительном наклонении может быть классифицировано как «приказ», «прошение», «запрос», «команда», «указание» или «инструкция», является методом не только обнаружения лингвистических фактов, но и способом выявления сходств и различий между всевозможными социальными ситуациями и отношениями, распознаваемых в языке [4. С. 242]. И следствием всего этого является особая важность их понимания для изучения права, морали и социологии.

Характеризуя стандартный способ употребления повелительного наклонения в языке, следует отличать случай, когда говорящий просто сообщает о том, что он желает, чтобы другой поступил определённым образом, в качестве информации о себе самом, от случая, когда он говорит с намерением сделать так, чтобы другой действительно поступил указанным образом [6. С. 61]. Характеристика повелительного наклонения необходима, но не достаточна для того, чтобы выявить намерение говорящего заставить другого поступить так, как он желает; так как необходимо, чтобы говорящий хотел дать понять слушающему, что цель его именно такова, и тем самым оказать на него влияние, побуждающее поступить его именно так, как говорящий желает. Одной из сложностей, с которой мы сталкиваемся при анализе общего понятия «императив», является то обстоятельство, что для приказов, команд, просьб и других разнообразных форм императивов, несмотря на их лингвистические коннотации, не существует общего слова, которое точно выразило бы намерение говорящего, чтобы другой совершил или воздержался от совершения определённого действия; аналогично нет одного слова и для обозначения совершения или воздержания от совершения этого действия. Все обычные выражения (такие, как «приказы», «требования», «повиновение», «подчинение») содержат в себе оттенки тех различных ситуаций, в которых они обычно используются. Например, воинский приказ старшего по званию существенно отличается от приказа вооружённого грабителя отдать ему всё, что у вас есть. Для описания этих и других подобных ситуаций использование слов «приказ» и «подчинение» (как и жертва в ситуации с вооружённым грабителем, так и младший по званию, *должны* подчиниться) не всегда корректно. Поскольку эти существительные едва ли адекватно описывают, например, ситуацию с грабителем, т.к. первое слово предполагает авторитетность отдающего приказ, а второе часто расценивается как добродетель. Даже такие, казалось бы, невинные высказывания, как «Сказать кому-то сделать нечто», предполагают определённое превосходство одной стороны над другой.

Таким образом, из представленного анализа предложений «Я знаю, что сделаю это», «Я решил сделать это», «Я намерен сделать это» мы можем сделать следующие выводы. Во-первых, не всегда, но зачастую намерение является желанием совершить нечто, предполагающее наличие цели. Несмотря на то, что желание и намерение имеют одинаковые правила употребления, есть и разница между этими понятиями, которая обнаруживается в таких выраже-

ниях, как «сокровенное желание», «желанная женщина» или «Желаю счастья!». Во-вторых, намерение связано с действием, но не исчерпывает полностью его значения, однако в то же время нам удалось доказать, что принять решение, значит совершить действие. Эти тезисы указывают на то, что связь между намерением и решением не является необходимой, как считали Харт и Гэмпшир.

Литература

1. Hampshire S., Hart H.L.A. Decision, Intention, and Certainty // Mind. 1958. Vol. 67. P. 1–12.
2. Остин Дж.Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике / Ред. Б.Ю. Городецкой. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. С. 22–130.
3. Стросон П.Ф. Намерение и конвенция в речевых актах // Философия языка / Ред.-сост. Дж. Р. Сёрл. 2-е изд. М.: Едиториал, 2010. С. 35–55.
4. Харт Г.Л.А. Понятие права. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007.
5. Борисов Е.В., Ладов В.А., Суровцев В.А. Язык, Сознание, Мир. Очерки компаративного анализа феноменологии и аналитической философии. Вильнюс: ЕГУ, 2010. С. 60–73.
6. Hart H.L.A. Signs and Words // The Philosophical Quarterly. 1952. Vol. 2. P. 59–62